

Вера Гончарук. «Пора знакомиться». 3-1983-85

Глава 35. Разное из нашей жизни и новое место на работе.

В разговоре с Верой Володиной воспитательницей, вдруг неожиданно для себя выяснили, что мы родственники, конечно седьмая вода на киселе, но всё же. Она оказалась родной племянницей нашего Ладыгина, вот ведь столько лет живём в одном доме, а он никогда не говорил. Но оказалось, что это мы так здесь долго живём, а Вера как раз недавно. Они с мужем жили в Казахстане, где он служил, а потом, когда он вышел по выслуге лет, решили вернуться в Москву. А так как она из церковки, которую расселили, а московской прописки не лишена и к тому же многодетная мама, то им жилплощадь предоставили, но смеяться или плакать непонятно.

Семье с тремя детьми дали двухкомнатную малогабаритную квартиру на первом этаже в нашем доме. Ранее в этой квартире какое-то подразделение ДЭЗа располагалось, кажется лифтьёров, а может электиков, точно не знаю, а сейчас ДЭЗу новое здание построили, и они квартиры освободили, вот для семьи местечко и нашлось. Конечно, можете себе представить в каком состоянии квартира была, но им ремонт пообещали, а сделали только, когда всему дому делали ремонт. Правда на тот момент, когда им квартиру давали, Вера ещё не родила, а на последних днях ходила, может поэтому и впихнули в двухкомнатную, а потом к первой дочке ещё девочки двойняшки добавились. Верины девчонки на восемь месяцев старше Вовки и она их уже в старшую группу этих же яслей водит, на сутки, так как сама здесь же, но в другой группе посменно работает.

С этих пор, как только мы выяснили, что являемся роднёй, мы стали тесно общаться семьями. Муж её Сергей, мужчина весёлый, компанейский, мы с ним быстро общий язык нашли, оба большие любители и знатоки анекдотов, и часто сидим на кухне, рассказывая их зарядами, пока наши дети вместе и играют. Старшая дочка, на год моложе Иринки, немного стеснительная из-за полноты, но тоже весёлая девочка, и они с Иришкой легко находят общий язык. Правда, общаются только, когда они бывают у нас. Учится Света в другой школе, в спортивной. Потом эта дружба поможет нам выручать друг друга в моменты болезни детей и в разных сложных ситуациях.

Начались неожиданные проблемы с Женей. Сын стал невероятно ревновать меня к Володе. Раньше вниманием его отец владел, а сейчас отец всё реже уделяет ему время и Женя крутится возле меня, поэтому стал замечать, что я много времени уделяю Володе и решил, что мама его разлюбила. Объясняю ему, что люблю его так же, как и прежде, просто он подрос, стал самостоятельным и многое умеет делать сам, вон даже и в магазин ходить научился, а Володя пока маленький, беспомощный и неумелый, поэтому маме приходится поневоле с ним крутиться.

Вижу, на словах понимает, а на деле дуется. Стала чаще с ним разговаривать, брать его на прогулку, подключать к уходу за братиком и к делам домашним, вроде оттаивать начал. Идём, гуляем, а он вдруг и заявляет: «Ира вырастет, Вова вырастет - пусть уходят, а я с тобой жить буду. Я на тебе женюсь и никому тебя не отдам». Ну вот, хоть смейся, хоть плачь. Дурачок, отвечаю, вот вырастешь, встретишь девушку красивую, влюбишься в неё и будет у тебя жена, а я к тому времени старенькая стану. У тебя свои детки родятся, и ты будешь о них заботиться и волноваться, не до мамы станет.

- А Ира с Вовкой? – спрашивает, - и Иришка, и Володя вырастут и тоже свои семьи заведут.

- А ты что одна останешься?

- Ну почему одна, - будете по очереди навещать меня, помогать.

- Я подумаю, - отвечает.

А у него с детства, это легенда всей семьи, два желания было: «Я, - говорит, - буду водителем работать и прорабом на стройке. - Почему прорабом, не знаю. - А ещё у меня будет много жён и ребёнков».

Нина всё время смеялась: «Смотри, Верка, прибегут к тебе много жён, набросают тебе много ребёнков, скажут – воспитывай». Вот такой он был, первенец мой.

У нас дома обязанности распределялись на всех, не было такого, что один за всех везёт, и не было дележа - кому грязную работу делать, мужскую или женскую. Мы с Сашей работы не делили, а делали сообща, и они нам подражали.

Известно, дети копируют своих родителей. Вот у меня, к примеру, всё на бегу, некогда сантименты разводить, уговаривать: «милый, милая, сделай, пожалуйста, то-то». Я всегда говорила: «нужно сходить в магазин, нужно помыть посуду, нужно подмести пол» и т.д. И не приказным, а самым обыденным тоном, ну да, голос у меня громкий, но это не от желания кричать и командовать, а от привычки перекрикивать шум на работе. Я и дома иногда не замечаю, что говорю громче нужного, оттого дети вдруг всё чаще стали меня обрывать, что ты кричишь. Я отвечаю: «кричу я, когда с отцом ругаюсь, а в остальное время, это голос у меня такой, я не виновата». Вон Надя с бабушкой тоже громко разговаривают, от работы шумной, вам же не кажется, что они кричат. Ну, с ними они общаются редко, а со мной ежедневно, потому мои недостатки им заметнее. А Иринка говорит, да ты когда книжки читаешь, или диафильмы крутишь - не кричишь. А ведь и правда, надо бы за собой последить.

Ну вот, прихожу однажды с работы, уставшая, а дома конь не валялся, посуда с утра не вымыта, хлеб с молоком не куплены, полы не метёны. Дети сидят делами своими занимаются. Один уроки уже сделал и в игрушки играет, вторая рисует что-то. Я, ни слова не говоря, раздела Володю, пустила его играть, а сама на кровать прилегла. Немного погодя разведка идёт: «А мы есть сегодня будем?». «Ешьте, - отвечаю, - если найдёте что». «А ты?». «А мне неохота, как и вам, делами заниматься, имею право отдохнуть». Дверь закрылась, шушуканье послышалось, потом, слышу, вода льётся, посуда моется, а потом входная дверь хлопнула, кто-то в магазин побежал.

Встала, пошла готовить ужин. Иришка уже посуду перемыла и полы подметает, мусор собирает. Ужин я быстро сготовила, к приходу сына из магазина всё уже на столе стояло и вскоре все трое ложками гремели, а я сказала: «Ну что, поняли, артачиться если каждый будем - дела не пойдут. В одной семье живём, вместе и делать всё нужно». Поняли, бурчат. И правда, поняли, больше эксцессов не было и выговоров мне сделать, больше не делали.

Правда и я за собой следить стала, чтобы почём зря голос не повышать. Вечерами, когда телевизор посмотрим, а когда они по старой памяти просят меня почитать им. Больно оба любили, что я в ролях всегда любую сказку разыгрываю. Особенно в ту пору любимый «Мумитролль», Лисёнок с цыплёнком Туттой Ларсен и «Малыш и Карлсон» были. Знают наизусть, а еще просят. Иришка, вроде взрослая уже, а в игру, как ребёнок включается. Вот так и проводим время вместе, а на душе постоянная тревога - придёт ли сегодня папа, и какой. Вот только Володя никогда книжки не слушает, не любит, больше с игрушками, да с телевизором дружит. Вроде одинаково воспитываю, одинаково заинтересовать пытаюсь, а разные детки, совсем разные. Помню, Жене стала Л.Н. Толстого «Лев и собачка» читать, а он потом разревелся и сказал мне: «Ты плохая, нельзя ребёнкам такие книжки читать».

Всё, до «Муму» дело не дошло. Поняла я, что сын у меня сверхчувствительный, нельзя ему о жестокостях рассказывать.

Он и в школе такой был, чуть что чувствительное - читать отказывается, хоть тресни. Но что у моих мальчишек общее, так это способность в словах слоги переставлять. У всех троих это выявилося, а у Жени ярче всех – «петерь» вместо «теперь», «пашинка» вместо «машинка», «ВНДХ» вместо «ВДНХ», «свабдя» вместо «свадьба» и многое другое. Вот и Володя начитает разговаривать и тоже перевертыши летят. До определённого возраста, потом нормализуется.

Пытались с Иринкой их переучивать, куда там, им так удобнее. Покойная бабушка Женьку очень любила и «печепахой» звала, так он «черепеха» произносил.

Ну, всё, рассказала о детках и делах наших домашних, пора и к работе переходить. На работе у нас неприятность случилась, на Главкассе, откуда деньги почтальонам раздаются и операторам для работы, стали денежки пропадать. Никогда раньше такого не было и вдруг на тебе.

А нужно сказать, что деньги почтальонам на ходку в пенсионные дни, не более полутора тысяч выдавать полагалось, значит почтальону раза три четыре в зависимости от размеров пенсий, возвращаться отчитываться нужно и снова идти. Времени много терялось, и негласно кассиры отпускали большие суммы, только в дни проверок как положено, а в остальное время грешили, что называется. Вот и думали сначала, что кто-то из почтальонов мухлюет, неверно отчёты сдаёт. А потом очень неприятно оказалось, что это старый, проверенный кассир с большим стажем, попала в беду, сын у неё алкоголик, разбил чью-то машину, и нужно было выплачивать. И она не нашла ничего лучшего как по двести-триста рублей присваивать, а потом валить на почтальонов и с них по пятёрке-десятке собирать.

Со всеми случается и она оступилась. Женщина-фронтовичка, войну в боевых частях прошедшая, споткнулась. Ну не сажать же её. Когда всё вскрылось, мы всем коллективом, по просьбе Ирины деньги ей собрали, но уволить её Ирина всё-таки уволила. Некуда деваться-то, сын пить не перестанет, завтра ещё что сотворит, опять соблазн. Возраст у неё был пенсионный, уже два года, как пенсионер, Ирина ей и предложила сходить в 16 дома, вновь построенные, устроиться вахтёром, всё подспорье в жизни будет. Ну, она молодец, поняла ещё и спасибо сказала. Главное там без материальной ответственности, а значит и соблазна не будет.

А главкассе без работника не оставишь. Валя, которая раньше на контроле сидела, сейчас в декрете, брать оператора с улицы на это место нельзя, а таких, которым бы Ирина доверяла, она не видела. То есть не материально не доверяла, а по степени быстроты и хваткости в работе. Не было сильно хватких, вот она ко мне и обратилась, садись, мол, на главкассе, ты бригадир, должна заменять на любом месте, а контроль я пока на себя возьму. Потом, когда Валя выйдет, она на кассу, а ты опять на своё место. Тут уж не откажешься, приказ начальника.

Только одна загвоздка, график работы по 12 часов, через день, как быть? Пришлось переводить ребёнка в суточную группу. Одну ночь ночует, на вторую домой забираю. Не могу же я снова Иришку загрузить, опять сорвётся девчонка. Поревел он конечно, но деваться некуда, привык.

Суммами мы ежедневно по тем временам крупными ворочали. В особо напряженные дни за двести тысяч заходило. Это когда пенсии, а без пенсий от 40 до 60 тысяч. Каждый день инкассаторскую встретить, деньги прими, пересчитай, тут уже человек по пять сидело, пересчитывало, потом вечером со всех собери, отчёт произведи, сумки опечатай и снова на машину сдай. Да ещё в узел позвони и сообщи кодовое слово, оно сумму пересылаемую означает, чтобы там уверены были, что всё пришло. По первости мне тяжело было, не привыкла с деньгами дело иметь, всё боялась передать да обсчитаться, а потом привыкла и

работа закипела, даже время свободное нарисовывалось. У меня и печать собственная именная появилась, вместе с ключами от сейфа. Её всегда при себе иметь нужно было, чтобы нигде не оставлять. Вот такая работа у меня теперь была.

А тут еще у Ирины заместитель увольняться надумала, ей квартиру по улучшению жилищных условий в Измайлово дают, не ездить же через всю Москву на работу. Ирина давай ко мне приставать, берись, да берись за эту должность. Я твёрдо отказалась, заменять, говорю, буду, а встать совсем работать - отказываюсь, у меня тогда дом совсем заброшен будет. «А возьми-ка ты, - говорю, - Лидию Владимировну, она толковая женщина и ответственная». Ирина говорит, да, но трудно обучаемая, рассеянная, не справится. Я ей отвечаю, нет, у неё хватка бульдожья, она медленно вникает, но если поймёт, клещами не вырвешь. А учить её сама берусь, говорю.

Ирина и согласилась. Лида на десять лет меня старше и конечно, когда ей это место предложили, с радостью ухватилась, всё-таки должность не операторская. Правила взяла подучивать, на курсы поехала, там ещё юридические вопросы, помимо почтовых, знать нужно. Вернулась с курсов, мне говорит, вот вроде бы и знаю всё, а теряюсь. А я ей говорю, ты себе тетрабочку заведи отдельную. Вот сделала операцию, сделай образец и в тетрабочку, всегда забыла, полистала и найдёшь. По темам разбили, и стали вместе делать. И всё, вот когда своими руками по два раза одно и то же прописала, накрепко запомнила и к тетрабочке своей всё реже и реже прибегала, но берегла её. Не знаю как, но я каким-то чутьём поняла, что у неё механическая память сильнее визуальной. Так вот и стала она заместителем, а впоследствии и начальником почты и всегда говорила: «С твоей лёгкой руки».

А я и Ирину при операторах, и Лиду по имени отчеству звала и на вы, а в приватном разговоре мы на «ты» были и без отчеств. Так у нас повелось.

Глава 36. Прелести жизни с алкоголиком.

Однажды в разговоре с одним бывшим алкоголиком, правда бывших не бывает, бывают сумевшие себя обуздать, но это сказывается на их раздражительном характере и занудности, упёртости в утверждениях. Я услышала такую фразу, мол, ты сама виновата, прекрасно знала, что идешь замуж за алкоголика, просто закрывала на это глаза. Вот я попробовала всё

переосмыслить, прав он или нет. Ведь если бы все женщины заранее знали, что выходят замуж за алкоголиков, то вряд ли так уж все захотели бы обманывать себя? Что-то у меня не срасталось. Я ли себе лгу или обстоятельства никак не способствовали моему предвидению.

Во-первых, один случай выпивания в кафе, при знакомстве, не мог насторожить, что перед тобой алкоголик, тем более они выпили по рюмке и отнюдь не спивались. Во-вторых, то, что человек отказывался от приёма алкоголя по праздникам или выпивал немного, опять не выдавало в нём алкоголика. То, что первые пять лет мы прожили без каких-либо эксцессов - тоже. Так что не срасталось и всё тут. Если только исходить из аксиомы, что отец его умер по пьяни, то об этом я узнала много позже, а не до нашей свадьбы. Так что не было их, тревожных звоночков и предпосылок, могущих указать мне на беду. А ясновидящей я не была. И естественно первым долгом я искала вину за то, что начало происходить, в себе. Как и свойственно всем скорпионам, я методично, с настойчивостью маньяка перебирала все слова, поступки, намёки, могшие привести к пьянству мужа и не находила, но продолжала искать. Вроде бы ничем мужа не обманывала, ни за что не упрекала, ни в чём не корила, где же причина? Детей рожали только по обоюдному согласию или по его просьбе. Может то, что он прохладно относится к мальчикам, истекает из того, что он хотел девочек? Но это опять не вина моя, пол ребёнка зависит исключительно от мужчины, только у него разный набор хромосом. В общем, мучения были не только физические, но и душевные.

А тот бывший говорил, что когда встречался со своей будущей женой, то пил изрядно, но это её не смущало, значит, мы женщины идём на это осознанно. И убеждать его, что у всех случаи разные было бесполезно. А главное жена его всё перетерпела и сумела своей любовью наставить его на путь истинный и заставить бросить пить. Вот бы мне так, а? Но нет у меня-то всё по-другому. Сколько не молила - ничто не помогало. Вот ведь и уйти мне было некуда, и разъехаться мы не могли. Не подлежала наша квартира, с мизерной кухонкой размену. Что интересно заселению колхоза на такую территорию подлежала, а размену нет. А развестись и продолжать жить в одной квартире, это обречь своих детей на вечный ад жизни с соседом, к которому постоянно вереницей шляются такие же алкаши, а так пока он муж законный, не имеет право ухудшать жизнь детей, можно управу найти. Вот в такой безвыходный тупик нас наше родимое государство загоняло. Не я одна так мучилась, многие женщины свои мучения в моих узнают.

К тому времени, о котором я пишу, мой благоверный успел уже трижды побывать в милиции на 15 сутках отсидки, единожды лежал в диспансере на лечении, откуда я его сама, дура, забрала под расписку, поверив его клятвенным обещаниям и слёзным мольбам, а не предостережению врача, что он лжёт и мне, и себе. Главное не я одна об эти грабли споткнулась, многие из нас хотели верить.

Вот после третьего его пребывания, вернее во время его, мне и пришла повестка в суд, на выездную сессию, по делу о пьянстве моего мужа. Это случилось в апреле, и я пошла в наш районный дом пионеров, где и проходили эти слушания.

Нужно было видеть огромный зал заседаний, вернее, концертный зал дома пионеров, где проходило это действо. На сцене судья с двумя заседателями и секретарём, на первом и втором ряду человек 50 мужчин-алкоголиков, а на задних рядах толпа разношёрстно одетых, измотанных тяжкой долей, разновозрастных женщин.

Та ещё картиночка. Судья по очереди зачитывает дело очередного алкаша и просит высказаться соответствующую женщину. Чего я там только не наслушалась. И откровенно хамских высказываний, и проклятий в адрес своих мужей, и просто тупой брани и горьких слёз усталости и сожалений.

В общем, весь спектр со всех слоёв общества, объединённых общей бедой-пьянством.

Когда подошла моя очередь говорить, я долго не могла начать, тут и боль, и стыд за него и за себя, и целая гамма разных чувств. Наконец я заговорила, глухо без эмоций перечисляя только факты, не давая ни эмоциональной, ни какой-либо оценки. Тупо факты, что? где? когда? и под конец просто села и замкнулась в себе. Какой смысл был клясть его, изобличать или обелять? От правды сам не убежишь.

Решение судьи в отношении всех было почти одинаковое: кого-то отправляли в места заключения на полтора-два года с принудительным лечением, кого-то лишали отцовских прав, кого-то просто к принудительному лечению в Наркодиспансере. И только моему несколько неожиданно для меня и для него присудили лишение дееспособности с запретом на распоряжение деньгами и имуществом и оформлении меня его опекуном с правом решать все материальные и имущественные вопросы семьи.

Услышанное видимо повергло его в шок, меня, скажу честно, не менее. Он вскочил и начал пререкаться с судьёй, что вот он с пятнадцати лет пил и ничего, имел право всем распоряжаться, а теперь его, взрослого мужика, объявляют недееспособным. Судья уточнил у меня, знала ли я о том, что он пил с такого возраста. Я ответила, что, конечно же, нет, никто никогда мне об этом не говорил, а первые годы мы жили, и он вообще не пил. Тогда судья ему и сказал, какие же у вас претензии, если вы сами довели себя до такого состояния, а семью поставили на грань голодной смерти? Наказание, вернее решение вполне закономерное, но обжаловать его вы можете в десятидневный срок, а после этого срока ваша жена получит на руки документы на опекуноство. А вас самого ставят на учёт в диспансер.

Вот так закончился этот суд. Никакой апелляции он подавать не стал. Через две недели я получила две бумаги. Решение суда и решение исполкома о попечительстве. Одну из бумаг, точнее её копию, я отвезла на его работу и теперь должна была получать зарплату сама. Оригиналы отнесла на почту и убрала в сейф, так как он постоянно грозился, что найдёт и уничтожит их, а мне не сказали, подлежат ли они восстановлению, в случае утраты.

Первое время после этого решения наша жизнь превратилась в ад. Он постоянно ходил злой, упрекал меня во всём, был крайне раздражителен и тем, что не может выпить и тем, что его постоянно вызывают для контроля в диспансер. А потом ломка закончилась, и он угомонился, и даже вернулось какое-то подобие прежней жизни и прежних отношений. А со временем стало казаться, что все наши беды остались в прошлом, единственное, что я постоянно прятала деньги, чтобы он их случайно не нашёл. А жить тайком - это страшно обременительно, постоянно забываешь куда положила.

Не хочу сказать, что всё это время, я была пай-девочкой. Однажды ещё в 570 работая, я изведённая его приступами необоснованной ревности, а когда изменять, если у тебя и есть всего две дороги - на работу и с работы и постоянное нахождение на глазах семьи. Но если мужику по пьяни, что в голову втемяшится, то ничем его оттуда не выбьешь. Сам-то он частенько домой не приходил, но мне ни разу и в голову не пришло, что он у другой женщины, чувствовала, что пьяный где-то валяется, так оно и было, по сути. А тут упрёки да упрёки, ну я и решила, как в молодости, чтоб зря не болтал, сделать. Правда, это сказать легко, а осуществить...

В общем, ещё в 525 ко мне проявлял внимание механик, а нужно сказать, механики у нас были в узле, а по отделениям они ездили периодически с профилактикой оборудования и иногда по вызову, если аппарат ломался. Естественно и сюда он же приезжал. Красивый парень, Миша, среднего роста, с утончёнными еврейскими чертами лица, бархатными чёрными глазами, нервными чувственными руками. В общем-то, для многих женщин мечта. Мне же он был, как все мужчины. У меня если есть рядом мужчина, то все остальные на одно лицо и чисто друзья. А тут решила, а чем чёрт не шутит, изменю с ним. Вроде знакомый, трепаться если что не будет.

Короче сговорились мы с ним во время работы. Он сделал и вроде как ушёл, а я вскоре сделала вид, что по вызову еду в узел. В общем, схитрила, ну а иначе как я смогу вырваться, только во время работы.

На остановке мы встретились, сели на автобус и поехали. Благо недалеко, три остановки всего.

Пришли к нему, он предложил в гостиную пройти, сам на кухне суетится, угощение готовит. А двери у них раздвижные, он сам переоборудовал и обстановка модернистская, специально подобранная. Квартира двухкомнатная на двоих с женой, кооперативная, детей нет. Вот он на кухне хлопочет и между делом рассказывает. Мне и так-то неловко, что задумала, а тут слышу его рассказ и вконец дозреваю, что нужно делать ноги. А рассказывает он мне, как о само собой разумеющемся, о том, что они с женой живут в свободном браке, у него свои любовницы, у неё свои любовники. Иногда и так случается, что они их одновременно приводят, а потом мол, мы впечатлениями делимся о своих партнёрах и это так освежающе на наши отношения действует, что мы кайф ловим и только крепче друг друга любим.

Я сижу и думаю, куда я попала, где мои вещи. И вообще, что я здесь делаю, это потом меня, как кобылицу будут по статьям разбирать, а мне это нужно.

Вот недаром говорят, в чужие сани не садись, в чужой наряд не рядись. Не моё это изменами заниматься, не моё. Он уже в комнату со столиком на колесиках с разными деликатесами и бутылкой вина едет, а я в прихожую вылетаю, обуваюсь и к дверям. Он удивлённо:

- Ты куда?

- Да знаешь, - говорю, - погорячилась я, не моё это, хотела мужу отомстить, да не то, не смогу, извини.

С этим и выскочила, и обратно на работу.

Никто так и не узнал о моей проделке, а меня постоянно совесть мучала, словно я измену совершила уже и в дерьме извалялась. Впрочем, уже сама попытка и даже мысли об этом, почти свершившийся факт. Вот так я на такие вопросы смотрела и себя кляла последними словами, а уж мужу в глаза смотреть избегала, словно он мог мысли мои потаённые прочесть. Совесть это страшная штука, если она у тебя есть, конечно. Поэтому и теперь я постоянно помнила об этом и думала, что может мои тайные мысли тоже были в пьянстве мужа виноваты. Смешно, конечно, это, но говорю, как ощущала. За всё время нашей раздельной жизни с его родными, я неоднократно, чуть ли не силой Сашу отправляла в Марьино, иногда вместе с Женей. Ради того, что понимала мать она и есть мать, скучает по сыну то. А тут и сама раза два с ним съездила, вроде как, приятное ему сделать. И вот какую интересную вещь обнаружила. Женьку они любят безумно, к Иринке теперь терпимо относятся, даже спрашивают, что у неё, да как, а вот от Володи нос воротят. Откровенно малыша не любят. Ну, просто на дух не выносят. Я думала, что это, наверное, оттого, что время его ожидания совпало с их вынужденным отъездом, а оказалось, оттого, что он внешне похож на меня, а не на Сашу. И за это его невзлюбили не только Сашины родные, но, как потом оказалось, и мои. Не знаю отчего это так, но отношение ко мне лично, каким-то образом только к этому моему ребёнку в обеих семьях передалось. А ведь характером он в Сашу полностью пошёл, единственное, что от меня передалось, это страх перед незнакомыми людьми, он также, как я в детстве к чужим присматривался, прежде чем общаться начать, за меня прятался, решая можно или нельзя доверять человеку. И так же, как я в детстве не давала маме ни с кем общаться, постоянно утягивала и теребила её, так и он. И главное он тоже очень чутко ощущал, кто его любит, а кто нет, его невозможно было обмануть.

Да и ещё один момент рассказать забыла, это вскоре после выхода моего из больницы было, до наших ссор с дочкой. Она тогда мне, мы с рынка ехали, стала рассказывать про то, как лето с отцом провела и как они на речке были с его женой вместе, а девочки с бабушкой дома оставались.

Вот он Иришку подхватил, закружил и посадил в копёшку с сеном, при этом сказал: «эх, если бы здесь сейчас мать твоя была!»

А потом достал из кармана рубашки фотографии. Она мне с восторгом рассказывала, мама там такие твои фотографии, которых я никогда не видела. Ты такая молодая и красивая. Ну, я-то знала, о каких фото она говорит, о тех, что я ему посылала из фотоателье.

А он их оказывается сохранил. Жена, Надежда, подошла к нему, хотела отнять, их, мол, порвать нужно говорит, а он так на неё посмотрел и выругался, не твоя лапа, не твоё. Вот Иринка и говорит, а что если бы вам снова вместе, а?

Я сразу поняла, что таким образом дочь хочет меня от отца пьяницы спасти и говорю ей:

- Ириш, вот у него две дочки, он их бросить должен?

- Нет, - отвечает.

- А у нас мальчики. Нужны ему чужие дети?

Задумалась она. А я говорю:

- Дочка, я понимаю, но этот поезд ушёл безвозвратно, ни мальчиков предавать нельзя, ни девочек обездоливать. Да и ты сама любишь ведь отца, он пьёт, но тебя ни словом, ни делом не обижает, только меня. Так что я свою долю решила уже. Менять ничего не возможно.

Вот и думаю, может и это на наши с ней отношения тоже повлияло.

Такой вот день воспоминаний выпал. А между тем лето подошло, отпуск. Иришка в этом году в Серпухов не поехала, сразу в деревню сорвалась, а мы на один месяц на июль в Серпухов к матери. А перед этим в июне Женя был в лагере от Парижской Коммуны. Там ему тоже понравилось. И туда, один раз за смену мы вместе съездили все. Он как раз выступал, пел с девочкой вместе песню. Первый раз я услышала, как хорошо поёт мой сын. И редела же я. От радости, но редела. А Вовка, на меня глядя, не поняв, отчего мама плачет, тоже заревел, успокаивать пришлось.

Одно хорошо, Саша теперь опять добрый, заботливый, внимательный и я себя сразу лучше чувствую, просто-таки счастливой. Вот много ли женщине для счастья нужно?

Глава 37. Беспоконная жизнь, хлопотная.

Вот так всегда. Только, казалось бы, жизнь наладилась, всё хорошо пошло, ан нет, снова на наши головы проблемы свалются.

На работе у меня все чередом идёт, дома тоже. А вот у Вилусеньки моей проблемки нарисовались. Квартиру они у алкоголички снимали, вроде как подешевле. Но, как говорится, дешевизна иногда боком выходит. Полгода они у неё прожили, исправно платили, да она нет-нет ещё плату вперёд у них требует, а то выставить грозит. Говорят же, не вяжись с алкашом, он как фальшивая монета.

Вот и у них так вышло, мало она их по мелочи обирала, то одно, то другое ей приглянется, она и выцыганит, так в один прекрасный момент заявила: «съезжайте в одночасье, мне жильё для хороших, нужных людей нужно. А куда? Да хоть на улицу, не моё дело».

Мы с Сашей, как услышали, подхватились и к ним, благо недалеко, пешком дойти, всего-то до Красного Маяка и через Варшавку перейти, тут и дом этот стоит. Помогли вещи собрать, да ещё заставили хозяйку, всё, что она у них вперёд взяла, немедленно вернуть, иначе, говорим, в милицию заявим. Вернула, видимо, милиции боится.

И взяли ребят к себе, в тесноте да не в обиде, управимся не впервой. А Вилуса беременная уже и ей на Гоззнаке, где она работала, стало работать проблематично. Аллергия у неё на краски обнаружилась. Раньше вроде не замечала, а сейчас вылезло. Значит нужно другую работу искать. Хорошо, что срок маленький. Я ей предложила на почту к нам оператором перейти. Она и пошла, да правда я предлагала ей на бандероли, там всё-таки небольшие тяжести ценные письма, бандероли до килограмма, не так тяжело, но она выбрала посылочный отдел. А там же тяжести, но она говорит, сдюжу. И ведь сдюжила, до самых родов проработала. Не смотри, что маленькая, жилистая, сибирячка, как-никак.

Три месяца они у нас прожили, а там мужу её наконец-то выделили комнату в семейном общежитии, милицейском. Главное опять же от нас недалеко, по Чертановской всего четыре остановки на трамвае, значит и до работы ей недалеко ехать и до нас. Вот и у неё всё нормализовалось. К этому времени как раз мы Женю в среднюю комнату и отселили. Вырос мальчишка, пора и посвободнее жить, а не с родителями в одной комнате ютиться, всё-таки 10

лет уже. Нам открытка пришла на детскую стенку Артек, поехали на Волгоградский опять получать её. Благо деньги теперь есть, а то бы опять кому-то уступить пришлось.

Привезли обнову, собрали, хорошо и секретер, вместо стола, где и учебники он сложить может и уроки делать, и шкаф для детской одежды, её много накопилось, и открытый шкаф, куда просто книги и Женины модели машин расставить можно. У него их уже более ста штук накопилось. Ведь каждый раз, бывая в детском магазине по одной по две покупали. А тут Сергей, Верин муж подарил ему на день рождения кляссер и марки. Ой, как он увлёкся, а у нас теперь новая головная боль, марки покупать. С аквариумами мы к тому времени расстались, по причине аллергии у Жени. Ну, надо сказать и хорошо. У детей увлечения быстро меняются, а заботы обо всем и всех, почему-то на мамины плечи ложатся, у всех так, наверное. А мама тоже не лошадь тяговая, устаёт.

Так вот в делах да хлопотах, незаметно и 84 год подкатил. Снова муж мой завёл песню про ребёнка, а я и хочу, и боюсь. Но упорно просит, больно ему девочку хочется. Так вот в феврале я ему сказала, что залетела. Ой, он на седьмом небе от счастья. Но опять не получилось всё хорошо и спокойно и не по его вине.

В конце февраля Ирина заболела, и пришлось Лиде вставать на её замену, а мне на замену Лидиной должности. К тому времени Валентина уже вышла на работу и села на главкасса, а я снова на своём месте и на подмене.

Вот под восьмое марта и случилась неприятность роковым образом повлиявшая на мою беременность, точнее на плод. Мне-то самой уже 35, не молоденький и крепкий организм. К тому же в конце 83 я перенесла, по недосмотру врача воспаление лёгких на ногах, она диагностировала ОРВИ и быстро выписала на работу, а я возьми и свались потом надолго. Рубец на лёгком большой остался. Видимо это тоже сказалось ослаблением иммунитета и нервной системы.

Под восьмое марта работы на почте, как и подо все праздники невпроворот. Все люди чуть ли не в последнюю минуту вспоминают, что забыли что-то отправить родным и очереди стоят до дверей. Почта в короткий предпраздничный день по обслуживанию клиентов работает на час меньше и я, видя, что народу много без пятнадцати семь предупредила задних, чтобы за ними не занимали, мы и их-то не успеем вовремя обслужить. Люди добросовестно предупреждали вновь приходящих, и они безропотно поворачивались и уходили, понимая, что такой хвост обслужить сложно.

Без пяти семь в зал вошла очередная клиентка. А надо сказать, что всю скандальную публику мы знаем наперечёт, а это была одна из самых скандальных старушек. Есть такие любительницы, как правило, из одиноких или ушибленных жизнью особей и среди мужчин, и среди женщин. Наша Соболева была как раз из таких. Бывшая геолог, теперь жила одинокой, ограниченной в общении жизнью, поэтому постоянно ходила по всем близлежащим учреждениям с придирками и замечаниями. Вот и сейчас, когда ей сказали не занимать очередь, а к окну стояло ещё человек 15 она заявила, что пришла до закрытия, а значит её обязаны обслужить. Я занималась отправкой бандеролей, проверкой и упаковкой их в мешки. Отвлечшись от своего занятия, я спокойно предупредила её, что последний в очереди уже замечен и её обслуживать не будут, тех, кто стоит, уже не успеваем обслужить. Она ответила, что ничего подобного, обслужим, как миленькие. Нет, твёрдо заявила я, если вы не хотите вникать здравому смыслу, то это ваши проблемы, но работник тоже человек и у него есть дом и семья, а он и так задерживается на работе. Более я говорить с ней не стала, просто пошла и закрыла вход, а обслуживаемых клиентов, мы стали выпускать по мере освобождения, через чёрный ход. Поняв, что её действительно не станут обслуживать, Соболева с дикими криками и безобразной руганью бросилась к жалобной книге, чтобы написать жалобу. И тут случилось неожиданное, к книге её не подпустили сами клиенты. На её пути встал мужчина, который прямо заявил ей, что

она не права и просто хочет навредить работникам из вредности и злобы и после этого, он за шиворот в буквальном смысле слова выволок беснующуюся старуху из помещения почты на улицу, наказав не пытаться вернуться.

Она не вернулась, но это был не конец эпопеи. В конце марта в нашей знаменитой Вечерней Москве была напечатана заметка, я не помню сейчас её названия, но в ней по мне с упоминанием фамилии и имени проехали на тракторе или на асфальтовом катке, как по гонительнице праведных, ни в чём неповинных граждан, страшной грубиянке и самодуру, отказывающей бедным пенсионерам в качественном обслуживании.

Да появление фельетона в городской газете, это самое страшное, что могло присниться нашему узловскому начальству и минимальное, что мне грозило - это лишение премии, максимальное - увольнение. Премии меня лишили, заставив писать объяснительную, но тут и на газету, и на наш узел обрушился просто шквал опровержений от клиентов, а в общей сложности случаи наблюдали не менее 50 свидетелей, ведь клиенты стояли не в одно, а в три окна. Если честно я не ожидала, что за меня хоть кто-то заступится, ан нет, люди газету читали, почти все москвичи её выписывали и были крайне возмущены извращениями изложенных в ней фактов. Стоит ли говорить, что и моя семья и мои старшие родственники читали этот гнусный пасквиль. Сашина мать даже высказалась о том, что я опозорила их фамилию. Никаких извинений и реакции от редакции Вечёрки, в ответ на гневные письма не последовало.

Забегу вперёд, потом, когда я измученная длительным и трудным лечением сына, однажды в тяжёлый час, не выдержу и, захлёбываясь слезами, напишу в Вечернюю Москву письмо, где «от всей души поблагодарю» их корреспондента Вечёркина, с изложением последствий их публикации. Мне не только придёт ответ на официальном бланке с извинениями, но и позвонят. А заодно объяснят, что под этим псевдонимом у них пишут разные корреспонденты, но они нашли, кто был автором именно этой публикации, выяснили у него, что он и близко не был на месте описываемых событий, а сделал это по просьбе тётушки. Короче его уволили, за что он, вероятно, сильно благодарил тётю.

А на майские праздники, когда мы были в гостях у наших, снова Ирина заметила, что я в очередной раз беременна. Снова недовольные мины и разговоры. А тут ещё и дочь подключилась с громкими криками, что я сошла с ума, рожать на старости лет и её позорить перед одноклассниками. Стыдно ей, ей же скоро семнадцать, а мать рожать надумала. Снова скандалы начались. В общем, как говорят в народе, не понос, так золотуха. Не вышло у меня спокойно ребёнка вынашивать.

Правда, с дочкой потом примирились. На выпускной не я одна с животом пришла, а и мама её одноклассника. Тогда только она успокоилась.

На выпускной я ей платье красивое сшила. Дядя Юра привёз отрез английского материала, он кремового цвета, выделка словно песок, каждую песчинку нащупать можно, а не только разглядеть. Я ей сшила платье приталенное, с юбкой запашной, вырезом тоже лиф на запах. По краю выреза волан, обшитый люрексом золотым, по юбке тоже и на рукаве длинном, узком вышиты лилии и обшивка такая же. А пояс широкий тоже сеткой золотистой расшила. Платье необыкновенное получилось. А в том году у них на вечер выпускной из всей школы только пять девочек пришли в индивидуальных нарядах, а остальные все, как из инкубатора в цветных шёлковых платьях одного покроя, только разных цветов, расклешённые с круглым вырезом, коротким рукавом и воланами по вороту и низу. Вот расстроены девочки были. А моя, есть такой грех, чуточку носишко задрала, приятно же выделяться из толпы.

В это лето она последний раз в деревню поехала. Я всё надеялась, она в институт поступать будет, а она упёрлась, не сейчас, я на радио хочу идти работать. Они с подружкой так решили. Я говорю, если сейчас не поступишь, то никогда не поступишь, время пройдёт, знания притупятся.

Но она только отмахнулась и всё. Тоже упрямая. Но на радио их не взяли, рановато, молодые, мол, ещё и они устроились в Центральный детский театр, обе костюмерами, но Таню взяли к женщинам актрисам, а Иру к мужчинам.

Глава 38. Разные причуды и события.

Тем временем Володя подросток и с сентября ходит уже в детский садик. Он в 70-ти метрах от подъезда. Мы в 8-ом, садик напротив 13-го подъезда, поэтому забирает его из садика Женя. Нас все знают и ему доверяют. А отвожу по утрам я.

Братец Саша, наш Воронов 6-ой, Александра класса А, вернулся из заключения и уже по сложившейся традиции сразу женился. У него вообще устоявшийся алгоритм «освободился-женился-сел». Моя дочь так и зовёт его, «дедушка Ленин», то по тюрьмам, то по ссылкам.

Привёз жену знакомиться. Дама красивая, вот непонятно, что бабы в нём находят, но все жёны красавицы. Правда на сей раз попалась как раз по нему, такая же аферистка. Сначала показалась серьёзной и обстоятельной, а потом столько открылось, что мама не горюй. В общем одного поля ягодки с братцем. Только он по дракам, а она по аферам и махинациям. Для начала у них какой-то конфликт с Иринкой случился, чего-то она от Иринки добивалась и умыкнула у дочери соболью шапку, подаренную отцом в залог. Еле выкарабкали. Второе - домогалась от матери прописки, она сама из Нижнего Новгорода была и проговорилась, что хочет потом жильё для них двоих с Сашей оформить, а мать, мол, пусть в свою квартиру возвращается. Это сгоряча, в ссоре проговорилась, мать срочно побежала документы обратно забирать, прописывать не стала. А она уже и Сашку на драку с матерью провоцировать начала. А тут подоспели документы. Оказалось, что она детей-двойняшек трёхлеток в больнице бросила и скрылась, а теперь её разыскивает милиция по Союзу. Это стало последней каплей, а я Саше сказала, чтобы ноги её у нас близко не было. Такая женщина мне омерзительна. Но она всё и так поняла и вскоре, не дожидаясь ареста и препровождения в Нижний, скрылась в неизвестном направлении, а брат на третью ходку пошёл и опять за драку. Вот такая «весёленькая» жизнь. Брак она потом расторгла заочно, бумаги пришли из Казахстана.

А в октябре, мама позвонила, попросила Надю навестить, её в больницу положили, глаз оперировать. Она в 18 лет не сделала повторную операцию на глаз от косоглазия, а теперь забеременела вторично, и глаз у неё ушёл к носу, очень сильно. Беременность прервали, а её

направили на операцию. Мама от дома из-за супругов молодых отъезжать боится, вот и попросила меня.

Собрались, поехали в МОНИКИ, сестру уже прооперировали. Сидим в коридоре, она рассказывает об операции, о том, как всё прошло и тут ребёнок подходит. У него глазик весь навывкате, можно сказать на ниточке висит, он к операции готовится. У меня звон в ушах пошёл, вижу сестру, но ни слова не слышу, а потом всё потемнело.

Очнулась, возле меня медработники хлопчут, а я на лавочке лежу. Перепугала всех. Видимо так на меня вид малыша повлиял, жалко мне его ужасно было, а Надежда сказала, что мне беременной видимо нельзя такое видеть, бурно реагирую, а здесь каких только нет.

Вот так навестили. А вскоре её уже выписали, всё удачно прошло и относительно легко. Больше операций не понадобилось, глаз прочно закрепился.

А у меня уже сроки подходят, вот-вот родить. Я, как всегда заранее две сумки собрала с одеждой для себя и для ребёнка, кроватку промыли, почистили. Их у нас уже две, ещё одну соседка из 9 подъезда отдала. Её ребёнок Вове ровесник, но крупнее, из своей кроватки быстро вырос, вот она, видя, что я беременна и предложила отдать. Вовина кроватка больше, стенки сняли, она годится ему. До пяти лет в ней спокойно спал, а эта поменьше, как раз нужна оказалась.

В ночь на 17 ноября схватки начались, опять сидим, бдим. Имя девочке Машенька задумали, вроде и в честь Сашиной мамы, чтобы приятно ей было и так хорошее имя, само по себе.

В этот раз я так рисковать не стала, когда заметила, что через 20 минут повторяется, скорую вызвали.

Утром уже в 7 часов. Снова приехали в свой родной баннопрачечный. И снова оказалась в коридоре, возле родовой, на той же самой кушетке, что и с Женей. Лежу, рука под головой, напротив женщина на каталке, родившая уже, в ногах на другой кушетке 19 летняя первородка стонет и покрикивает. Я поморщусь, подышу и новой схватки жду. С родившей разговорилась, она спросила, почему я не кричу, я ответила, что никогда не кричала, мама не велела силы терять, я её и слушалась. Ну, говорим, слово за слово. Тут ко мне подошли, приглашают в смотровую пройти. Пошла, а там куча студентов с преподавателем. На сей раз у меня реакция спокойная, понимаю, что им учиться нужно, да и я не та желторотая, что в первый раз.

Преподаватель мне пузырь вскрыла, а вод нет. То есть, как и в первый раз с Иринкой, на сухую почти ходила, только чтобы ребёнку питания хватало, а лишнего, как с Вовой не было. Они меня все осматривают, ощупывают, а преподаватель вопрос им задаёт, что особенного они во мне заметили. И мне интересно стало, что во мне особенного, баба как баба. Вот они кто что мямлят, а она говорит: «Главного вы не заметили, это же идеальная природная машина для родов... Посмотрите какие у неё эластичные ткани, какой широкий сегмент, да ей же никогда ни разрывы, ни кесарево не грозили и не грозят».

Да, уж, сомнительный комплимент с машиной сравнить, но одно обрадовало. Я же все разы более всего боялась порваться и швов, а оказалось мне это не грозит. Вернулась обратно на кушетку, а схваток нет, как нет. Словно обрезали. Время 8.25.

В 9 пересменка, слышу разговор в родильной. Одна акушерка другой говорит: «ты первородку возьми, она уж больно мучается», а вторая отвечает ей: «ещё часа три мучиться, матка всего на три пальца открылась, я эту возьму, которая с четвёртыми, тем более знаю её, принимала у неё роды».

И подходит ко мне: «пошли», а я отвечаю: «у меня схваток нет». «Сейчас будут, - говорит, - и как всадит мне в ногу укол», - «пошли». Я подпрыгнула, чуть не под потолок, но пошла. А в 8.30 ребёнок уже родился.

Акушерка та же, что и Женю принимала. Она мне ребёнка в нос суёт и спрашивает: «кто?». А я отвечаю: «опять Ванечка, вместо Манечки».

Саша внизу ждал, ему пошли, доложили. Не видела его реакции, но наверняка расстроился. Дочку же ждал. Он, после, из всех детей к Ване с наибольшей прохладцей относился, хотя Иван - вылитый он. Видимо, правда, переживал, что опять надежды обманулись.

Ну вот, родила, снова в коридор вывезли, поставили очереди ждать, когда на этаж повезут. Но разве же у меня бывает без приключений, да ни в коем случае. Лежим, снова с той же роженицей, разговариваем, её только что зашили и сейчас поднимать на третий будут, тоже ждёт. Спокойно лежу, не верчусь. На животе пузырь со льдом, внизу лоток-кровесборник, всё как у всех, да не всё. Пузырь дырявый и вода тает, по мне течёт.

Но это не всё, вдруг раздаётся какой-то трек и я лечу вниз головой, судорожно хватаясь за боковины каталки. Повисла ногами вверх, пузырь на шее, вода льёт, а по спине потоки крови из лотка. Я эту картину, как со стороны представила, так и покатила со смеху. А по длинному коридору из другого конца огромными скачками бежит нянечка и кричит благим голосом: «держись, держись милая».

Каталка бракованная попалась, сломалась. Да, у меня всегда так. Подняли, обмыли, переодели, на другую каталку положили и пузырь новый дали, а я всё ржу, остановиться не могу. Так и в палату повезли.

И снова в ту же, 44. В общем, в последний раз, как в первый. Только кровать на сей раз другая, какходишь, первая налево у стены. Положили на кровать и о чудо, я почти на полу. Настолько сетка провалена, видимо кто-то очень мощный лежал, что я как в гамаке. Ещё одна радость. И переключать некуда, я последняя в этой палате оказалась. А меня весь персонал уже знает, не впервой здесь и я многих даже по имени сестёр помню. Поэтому потом у нашей палаты ни с чем проблем не было, всё по первой просьбе давали мне для всех. Хорошо хоть правила изменились, и теперь можно было трусы из дома получить, а не как пингвин передвигаться.

Когда детей на следующий день привезли, все лежат, ждут, а я сижу, на железке своей кровати, подложив подушку. Правила тоже новые, кормить только лёжа. Сестра, когда ко мне с ребёнком подошла, строго так говорит: «Женщина, вас это тоже касается, ложитесь!». Я отвечаю: «Не могу, я лучше сидя». Девчонки рты зажимают, чтобы в голос не ржать, а она настаивает. Я отвечаю: «ладно, лягу». И легла, она как увидела, где я лежу и как, тоже рассмеялась и говорит: «нет, уж лучше сидя». «А я о чём?» - отвечаю. Вот так повеселились в роддоме. Как раз на пятый день в мой 36 день рождения меня выписали домой. Саша приехал с Володей. У нас метро уже открылось, так что мы решили, что нет смысла нам на такси тратиться, до Южной три остановки и на метро доедем. Всю дорогу Володя вскакивал беспрестанно с просьбой «малышку покажи», мы же ему долго говорили, что у него малышка будет, и он теперь никак не мог поверить, что у него есть живой братик.

Саша буквально на следующий день поехал в ЗАГС регистрировать ребёнка. Я сказала: «как назовёшь, так и будет, у меня имена кончились».

Вернулся он, я сижу на кухне кормлю детей обедом, а Ивана грудью, он бросает свидетельство на стол – «Вот». Иринка схватила смотреть, да как заорёт: «Вы что с ума сошли, Ванькой назвали? Как он будет с этим именем жить, да его все дураком прозовут, он же третий

сын». А мне и смешно, и приятно, вот же Саша, по той же ассоциации, что и я Ванечкой назвал, то есть если не Маша, то Ваня. Я ей и говорю: «Не бухти. Имя очень хорошее и вовсе не ругательное, и было бы тебе известно, имя еврейское библейское Иоанн, так что не ругайся, а радуйся». Поворчала и замолчала.

Вот так появился у нас новый член семьи. На удивление спокойный, никогда не тревожащий по ночам, спит и живёт чётко по расписанию, пустышку не берёт вообще. Без неё рос. Родился весом 3.200 и 53 сантиметра. Вес набирал быстро, но через два месяца оказался на искусственном вскармливании, молоко по мне просто утекало, не держалось до следующего кормления, это уже видимо с возрастом мышцы ослабели и не держали, никакие ухищрения не помогали.

Глава 39. Новые неприятности, долгие мытарства.

В то время, когда Володе было месяцев девять, умерла наша детский врач и на смену ей дали другого врача, просто, как и самая первая Симановская, эта врач, тоже была врач от Бога. Фаина Яковлевна также очень внимательна к детям и родителям, и также помнит всех наперечёт.

Володя ещё с суточной группы в яслях начал часто болеть простудными заболеваниями и теперь в садике это продолжалось. Не столько ходит в сад, сколько сидит дома, а рядом малыш и Фаину Яковлевну это беспокоит. Поэтому она предложила мне отправить Володю в санаторий на два месяца, как она объяснила, там он закалится и вы надолго забудете о простудах. Я согласилась, хотя душа и болела, как он будет без родителей, с чужими людьми и детьми, ведь он трудно сходится с чужими. Путёвку нам выделили только на начало марта, а с января я стала замечать, что с малышом не всё в порядке. Когда я его переодеваю, то если начала надевать распашонку на левую ручку, а потом на правую, приходится ручку подводить ближе и ребёнок начинает заходиться диким криком. Если надеваю наоборот, с другой руки, то без крика. Я стала внимательнее, но решила посоветоваться с врачом, по какой причине это может быть. Эта врач отнеслась к моему беспокойству со вниманием и дала направление внеочередное сразу к двум специалистам, ортопеду и невропатологу. Ортопед по своей части не нашёл никаких отклонений, хотя при движении круговом ручек, ребёнок разрыдался, но он сказал, что скелетных нарушений нет, а вот к невропатологу обязательно, это по его части.

Невропатолог осматривал нас очень долго и обстоятельно. Он крутил ручки, сразу заметил, что правая сторона ограничена в движении, ребёнок сопротивляется, ему больно и неприятно, он уже это понял, оттого и сопротивляется.

Потом он пробовал, держа его под мышки, поставить его на стол, но ребёнок не наступал на всю стопу, а опирался на цыпочки, при этом одна ножка выворачивалась вбок. Когда врач закончил осмотр и передал сына мне, он, делая записи в карте, спросил, были ли у вас стрессовые ситуации в период до трёх месяцев беременности. Я не сразу вспомнила, про случай на почте, как-то не связала его с происходящим, а потом сообразила, что кроме этой ситуации у

меня других не было. Я ответила, и он кивнул головой - всё сходится, будем лечиться, но сразу предупреждаю долго и упорно, и от вас будет зависеть очень во многом результат.

Врач молодой, Владимир Семёнович, фамилию не помню, знаю что украинец. Он сказал, что у ребёнка начальная стадия ДЦП и что я вовремя заметила, поэтому постараемся одолеть болезнь в зачатке.

О ДЦП тогда много писали и говорили, и естественно я была в шоке, о чём ему и сказала, но ведь это, говорят, не лечится? А он ответил, ерунда, лечится, если взяться вовремя и правильно. И мы взялись.

Первым делом нам были назначены 120 уколов церебролизина и второй препарат, не помню, по одному уколу в день, в промежутке между этими. То есть три раза в день, мне нужно было ходить в поликлинику на уколы. Так два месяца, потом перерыв в уколах, но интенсивный массаж и занятия физкультурой, которую мне покажут, а делать я буду дома сама. После снова уколы, массаж, уколы, массаж. Так в три приёма.

Вполне естественно, что теперь я была только рада, что Володя на какое-то время сойдёт с моих рук, так как разорваться на всех мне будет сложновато.

Лекарства нам выделили бесплатные, как многодетным, церебролизин был очень дорогой и в аптеке сначала даже не хотели отпускать, но потом после звонка куда-то, обслужили.

После трёх дней уколов, было уже сделано шесть церебролизина и три другого препарата, при приходе на четвёртый день я сказала медсестре, что у ребёнка ярко алая, неровная полоса, похожая на ожог вдоль всей спинки и показала. Она не смогла понять, видела такое впервые и велела мне подняться к невропатологу, пусть он посмотрит и скажет можно ли колоть дальше, а то вдруг аллергия? Я поднялась к врачу, он посмотрел и воскликнул, так это же замечательно, видите, эта полоса ярко обозначила поражённую зону. Он стал увлечённо говорить, сыпать медицинскими терминами, из чего я поняла только то, что его диагноз верен и это не аллергия, значит можно колоть дальше. Так и оказалось, когда он опомнился, что разговаривает с мамой, а не с коллегой по профессии. Он извинился, смутился и сказал, обязательно продолжайте. При этом он сфотографировал эту спинку с полосой, сказав, что ему необходимо сохранить наглядный материал.

Сразу скажу, я счастлива, что мы попали именно к нему, как потом оказалось, он готовил диссертацию именно по теме ДЦП, и мы были для него самыми важными пациентами. Именно поэтому мой ребёнок вырос нормальным.

Теперь я крутилась, как заводная, ведь домашние дела никто не отменял, нужно сготовить всем обеды и ужины, необходимо следить за успехами Жени, подлечивать Вовины болячки, следить за ним, он вертлявый и озорной. А ещё стирки, уборка, починка вещей и трижды в день поход в поликлинику, а это по часу, туда и обратно, и ожидание очереди, три часа из дня долой.

Так и просмотрела момент, когда мой средненький сунул в розетку шпильку, счастье, что его отбросило, а не притянуло. А так шишку заработал и короткое замыкание устроил.

Правда испугался основательно и более никогда к розеткам не лез, значит только на пользу пошло. Но вот, наконец, и март подошёл, а с ним и Вовин отъезд, и перерыв в Ванечкиных уколах. Теперь ему массаж делать, через день ходить, уже легче, а в другой день делать с ним лечебную физкультуру.

Володю повезли все вместе, он без меня ехать ни в какую не хотел. Хорошо, что заезд в субботу, так что Саша взял Ваню на руки, в Володю за ручку, сумку на плечо с вещами и вперёд. Едем через всю Москву на метро, а потом на автобусе почти до Пушкина. Санаторий им.

Русакова, лучший детский санаторий, всесоюзного значения. Корпуса санатория деревянные, резные с открытыми верандами, крашеные голубенькой, но уже крайне обшарпанной краской. Он существует с 30-х годов.

Нам сказали, что в конце этого года его закроют на полную реконструкцию. А пока мы попадаем сюда. При приёме нам сделали экспресс-анализы, взвесили, проверили карту на отсутствие инфекционных заболеваний и на прививки. Они у нас сделаны не все, постоянно откладывали из-за болезней.

Потом пришла воспитательница его группы. Я вижу, что мой ребёнок напрягся, судорожно вцепился ручонкой в мои брюки и готов вот-вот зареветь, но она присела перед ним на корточки и спросила его: «Ты лес любишь?» - он ответил – «Да». «Тогда пойдём со мной, у нас тут замечательный сосновый бор, мы каждый день в нём гуляем и спим мы на воздухе в спальнях мешках, это так интересно, а ещё у нас много игрушек и баня, ты знаешь, что такое баня?» - «Нет». - «Вот и узнаешь, это здорово!». И она показала ему большой палец. Сын расцвёл, подал ей руку и пошёл, уже не оглядываясь на нас. Это было так неожиданно, а заведующая сказала, Мария Петровна у нас волшебница, она любого ребёнка уговорит.

После этого нас проводили в здание клуба. Там было помещение со шкафчиками, от одного из них нам дали ключ и сказали, что приезжать только по субботам с 9-12, привозить вещи, класть в этот шкафчик и забирать грязное. Ребёнка видеть не будем, все сведения о нём будут лежать в шкафчике, никаких гостинцев не привозить, кормят здесь на убой, так что ничего не нужно.

Мы ехали домой, покормили Ваню из бутылочки в автобусе и всё рассуждали, как-то наш Вова будет себя вести? Вдруг рёв устроит, как было в яслях и его не смогут успокоить. И порядки суровые, два месяца малыша не видеть, с ума сойдёшь.

Не успели приехать домой, начать свои дела - звонок. Танюшка звонит, плачет.

- Что стряслось?

- Не телефонный разговор, можно я к тебе приду?

- Конечно, о чём ты спрашиваешь, приходи.

Через полчаса пришла Танюшка с Полиной и рассказала, что тот же ужас, что Руфат творил тогда с Лейлашой, начался снова. Он рвёт и мечет, пинает Полинку, постоянно придирается к ней и грозит убить. Оказалось, что в один из дней зимой он, работая на КАМАЗе, приехал в обед домой. Заезжать на такой машине во двор, запрещено, но он запрет нарушил, вместо того, чтобы оставить на дороге, поставил машину во дворе. Там дети катались с горки. Когда он стал уезжать, то не заметил девочку 8 летнюю на санках и переехал её задними колёсами. Ребёнок умер.

- Сейчас идёт следствие, и он рвёт и мечет, кажется, его адвокат может откупить его за деньги, а мать девочки поздно родила её, она единственный ребёнок и представляешь какое это горе?

- Представляю, - ответила я, - но ты мне объясни, чего хочешь ты сама?

- Я хочу, чтобы его посадили, - заплакала Таня -, пусть хотя бы раз в жизни ответит за свои дела. И я хочу пока уйти от него, я боюсь за себя и Полинку.

- Ну, это не проблема, - ответил Саша, - оставляй Полинку и пошли за вещами.

Они собрались и ушли, а я посадила Полинку играть и рисовать. Каляки-маляки она чирикать уже умела, как ни как второй годик идёт.

А сама пока перенесла Женины вещички к нам в комнату, а Вовкину кроватку - в среднюю и укрепила на ней боковинки. Вот, кстати, кроватка освободилась, будет где ребёнку спать, а для Тани и кровать, и диванчик есть. Выбирай, что хочешь.

Обернулись они довольно быстро, до них ходьбы-то всего 20 минут, а на автобусе пять, да и уложились в шесть рук, Раечка помогала, очень быстро.

Раечка с ними пришла, стала извиняться, что опять нас беспокоят, у них, мол, свекровь сейчас гостит, Таню поместить негде. А где там располагаться-то их четверо, она, муж и двое детей в однокомнатной квартире, да мать приехала пятая, что я не понимаю.

- Не волнуйся, - говорю, - нам не в напряг...

Тут я Таню спросила, действительно ли она хочет, чтобы Руфата посадили и не будет ли нас клясть, если мы поможем?

- Не буду, - ответила Таня, - только чем вы можете?

- Сейчас поймёшь, - отвечаю.

Села я и впервые в жизни написала в милицию заявление-донос. Да-да, именно донос. Я описала тот разговор, где он хвалился, что он слепой на правый глаз и комиссию на права за него проходил другой человек. Сам же хвалился, а оно вон как пригодилось. И Раечка подписала, она при том разговоре была. Так что, относи, а мы свидетелями пойдём, если нужно. Но не понадобилось. Он отрицал всё, а одного не учёл, что запрос в Баку отправят и выписку из его детской карточки запросят, а там всё сохранилось и подтвердилось. Так что на суд нас и вызывать не стали, картина ясная. Правда суд только через полгода был, а Танюшка так у нас с Полинкой и жила, да ещё оказалось, что она снова беременна. Я как узнала, спрашиваю: «да как же ты будешь, одна-то?» А она отвечает: «справлюсь и рожу непременно. Пусть двое будут, не дай Бог, опять с кем беда, я не переживу».

Чтобы уже не возвращаться потом, напишу сразу, у неё сын родится, Раечка и подруги будут ей помогать, одну не оставят. Я со своими занята, на два дома рваться не смогу, только иногда, так что её одну не оставят. А Руфату шесть лет присудят, и отсидит он их от звонка до звонка.

Вот и стали жить, вдвоём по хозяйству справляться легче и за детьми смотреть проще, и погулять можно.

Иринка работает в театре допоздна, спектакли и утренние, и вечерние обслуживает, дома почти не бывает. Днём у неё окно четырёхчасовое, но ехать час домой и час обратно, ради двух часов дома, ей не хочется, а выходные у неё понедельник-вторник. Зарплата небольшая, на нужды девичьи не хватает, она подрядилась в выходные у кого-то убираться. За это ей ещё платят. В общем, крутимся, друг дружку почти не видим. А через месяц у нас снова беда.

Сидим с Танюшкой вечером у них в комнате. Я с Ванечкой на руках, Полинка тут же крутится, с игрушками бегаёт взад-вперёд, да неловко за Танину ногу задела и упала на спинку. И лежит, глаза помутнели, и рвать её начало. Мы испугались. Помыли ей мордашку после рвоты, пристроили её полулёжа на кровати на подушках, а она бледная вялая и поташнивает её. Я говорю:

- Тань, я скорую вызываю, у неё сотрясение, все признаки на лицо.

Танюшка говорит:

- Да ты что, она же не с высоты, а со своего роста упала, какое сотрясение?

- Да, - отвечаю, - обыкновенное.

А у меня рингер-локка была, Вове от рвоты выписывали. Я её развела и говорю, пои её по чайной ложечке через каждые пять минут, а я пока скорую вызываю.

Вызвала скорую, ждём. Приехали минут через сорок. Врач не фельдшер. Посмотрела и сразу говорит:

- В больницу, сильное сотрясение мозга. Она у вас с высоты упала.

- Нет, - отвечаю, - на моих глазах вот здесь прямо, за мамину ногу запнулась и упала на ковёр.

А врач говорит:

- Значит, ранее была травма, а это отзвук и стала внимательнее её смотреть.

Потом велела собираться, в больнице рентген сделаем, говорит. Собрались и уехали. Время к девяти вечера уже. Таня вернулась в первом часу, сказала, положили на Маяковке в детскую больницу. Первое время пускать не будут, ребёнок не реагирует ни на что, а как только в себя придёт - так и её пустят ухаживать днём, а на ночь домой. Сейчас там другая мама за всеми в палате присматривает. Рентген сделали, у Полинки справа за ушком застарелая гематома. Таня разревелась: «это, наверное, когда он её швырнул, и она об стол ударилась, она тогда тоже вялая дня три была, а я не сообразила, а ты вот сразу поняла». И опять в рёв: «Не прощу ему дочку, себя прощала, а дочку не прощу». И рассказала, что он её избивал, а потом подарками задаривал, вину искупал.

- Какая же я дура была.

- Ну, что было, то было, нам теперь жить надо, а не старое перебирать, - отвечаю. Таня неделю каждый день ездила, забиралась на пожарную лестницу и в окошко на дочь часами смотрела, а потом её пускать стали. Полтора месяца Полинка в больнице провела, уже и Володя вернулся, толстый, на четыре килограмма поправился, когда они приехали из больницы.

Глава 40. Продолжается наш хлопотный 85-ый.

Иринка в театре работает очень хорошо и крайне довольна своей работой, в свободное время развлекаются с подружкой, примеряя костюмы и фотографируясь. Ещё каждую неделю она просит меня сделать вафли. У нас вафельница, в то время трудновато стало со сладостями и мы научились изготавливать их сами. Конфеты из детского питания, обваливая их в какао, печенье из теста, прокрученного в мясорубке. Минирулетки с повидлом, присыпанные сверху сахаром и запечённые в духовке, мы их ласково называли Михрютками, ну и конечно вафли. Вафли сворачивали трубочкой или пакетиком и смазывали джемом или самодельным кремом. Вкусно получалось. Вот эти-то вафли и пользовались среди актёров Детского большим спросом. Чаёвничали с ними с удовольствием. Ну и как ей откажешь? Делали, а она сумками тащила на работу. Вторым её непреходящим увлечением был театр на Таганке. Эти две «артистки», моя дочь и подружка, ходили туда по контрамаркам, которые им кто-то из артистов предоставил и фотографировали и артистов и спектакли. Очень сильно были увлечены, представились фотокорреспондентами и ходили, как на работу, вплоть до закулисья. К тому же в то время Вениамин Смехов ставил в Детском свой спектакль, скорее всего он им и помог с контрамарками.

А ещё она занималась подготовкой к поступлению в артистическую школу, ждала, когда в детском таковая откроется. А занималась с актёром театра Юного зрителя. Фамилию знаю, очень

его люблю, но вот выскочила из памяти. Бывает такое лицо - видишь, а вспомнить не можешь. Вот такой жизнью Иришка жила в те годы.

А дома свои заботы, второй заход уколов. Опять 120 церебролизина и тридцать какого-то препарата с витаминами. Ванечка уже, кажется, настолько привык к уколам, что теперь и кровь сдавать не проблема, ни разу не заплачет. А тут с Володюшкой беда случилась. Подцепил он в детском саду скарлатину.

Лечимся, куда деваться, бережём только Полинку и Женю от любых контактов, Ванечке врач сказал не страшно, у него мой иммунитет ещё действует до полугода. Кончился карантин, пошли анализы сдавать, а у него моча большого удельного веса и направляют нас ложиться в Морозовскую, подозрение на сахарный диабет. А у нас ни в Сашиной родне, ни в моей диабетиков никого, о чём я сразу и сказала. Но упорствуют, положили. А мне как разорваться? Один маленький, с которым ежедневно в поликлинику бегаю, второй тоже маленький один в больнице. Можно сказать, паника началась. И ничего сделать не могу. Обследуют они его.

Я срочно всё о диабете читать начала, ничего, кроме удельного веса мочи и белка в ней не сходится с другими симптомами диабета, значит это не он.

И точно потом оказалось, что это осложнение на мочеполовую систему от скарлатины, а никакой не диабет. До взрослого возраста периодически повторяться будет, и будем почки лечить у уролога.

А сейчас вынуждены мучиться и ждать результата. Иришка к нему ежедневно в больницу в своё окно в театре бегаёт, сидит с ним часа по три. А я рада бы, да Ванечку не бросишь.

Однажды прибежала она домой в свой выходной, тоже Володю навещала, вся зарёванная: «мам, забирай его немедленно под расписку, иначе угробится наш парень. Ты только съезди, посмотри, что там с ним творится, тебе плохо станет».

Я тут же собралась и помчалась в Морозовскую, наказав ей сходить с Ванечкой на уколы.

Приехала, прошла в палату, увидела сына. Сидит он в углу кровати, весь зажатый, молчаливый, смотрит в одну точку и молчит. Я и так, и сяк - не реагирует. Я его взяла на руки, к себе прижала. А женщина, мама ребёнка, что с ним в одной палате лежит, говорит мне: «Забирайте вы его отсюда, не оставляйте. Его катетером измучили, он не хочет писать, а они насильно взять мочу по пять раз в день пытаются. Он уже весь на нервах. Да и на моего насмотрелся, видимо страшно ему».

А у неё сынишка умирает. Он не только диабетом, он ещё миопатией болен. Я даже не знала раньше о таком заболевании. Ему 12 лет, а он смотрится уже не более, чем 6 летний. Она плачет и рассказывает, был нормальный ребёнок, и откуда вдруг это свалилось - не знаю, но организм мышечную ткань свою поедает, вот только на лице и осталось. Лицо доест и конец настанет. А у него точно тело всё, сплошной скелет, обтянутый кожей, и только на лице в районе скул, немного ещё осталось чего-то и то уже мало.

В общем, взрослому смотреть жутко, а ребёнку каково?

Она уже просила отложить их в отдельную палату, чтобы Володю не пугать, а они не согласны.

В общем, пошла я и категорически заявила, что сына немедленно забираю, и ничто меня не остановит. Мне ребёнок дорог, а не их опыты научные.

Забрала я его под расписку. Особенно противно про врача хирурга вспоминать. Красивая лощёная бабища, но явно сексуально озабоченная. Гадко было, когда она на моих глазах, пенис его ощупывая, приговаривала: «хорошим богатством сынок обладает, знатный мужичок будет, позавидуешь тем, кому достанется». Мне просто стыдно и неприятно было.

Приехали домой, он всю дорогу молчал, спустила его с рук, он на кухню забился в угол, на корточках сидит и молчит, ни к кому не идёт, пробуешь взять - отбрыкивается и снова в угол на корточки. Сутки так просидел, мы с Иришкой и отец, по очереди возле него. Разговариваем, пытаемся оживить - никак. Вот где наревелись-то. А через сутки словно в себя пришёл, или поверил наконец-то что дома, или отпустило его. Бросился ко мне, вцепился мёртвой хваткой. Я это всю жизнь помню.

Не успели с этим разбрыкаться, Павлика Надежда к нам привезла. У него операция была, паховую грыжу вырезали. Шов после операции килоидный образовался, нужно на физиотерапию ходить для рассасывания, а ей некогда, работают они с Серёжей, ну и, мол, ты Вер, всё равно в поликлинику, как на работу ходишь, вот и Павлика заодно на физиотерапию поводишь. Ага, заодно, а то, что там по часам назначенным, не учитывает. Ну, ладно, попробуем.

Вот и пришлось Жене подключаться. У Павлика процедуры с Ванечкой не совпадают, поэтому Женя с ним на физиотерапию ходит, провожает его туда и приводит обратно. За Женю я не волнуюсь, он никогда через дорогу сломя голову не побежит, всегда правила соблюдал, вот с кем надёжно в этом отношении.

Всё шло нормально. Отходили они на физиотерапию, и пятница очередная подошла, а назавтра Надежда должна за Павликом приехать. Вот в эту пятницу Женя и учудил. Мы же его по Москве много возили, он город, как свои пять пальцев изучил, решил, что уже взрослый и может брата свободно покатать.

Ушли они гулять, а Таня как раз вчера с Полинкой домой уехали, девочки их забрали, так что я одна дома с Ванечкой и Вовой. Сходили на уколы, пришли обедать, а мальчишек нет. Куда бежать? А этих куда девать? Обед нет, полдник нет, Саша с работы приезжает, я мечусь на балкон, без конца выскакиваю, высматриваю, нет детей. Что делать, не досмотрела, нет мне прощения. И тут в очередной раз выглянула, идут. Довольные, смеются, шутят. Оглянулась Саше сказать, а его уже и нет дома, смотрю, а он внизу навстречу им бежит. Наблюдаю, встретились, он о чём-то говорит им, вижу, Женя испуганно отвечает и тут отец такую оплеуху ему отвесил, такого никогда не было, а тут от души. Но я вступить, и заступаться, когда они пришли и всё мне рассказали, не стала, заслужил. Ведь могло страшное случиться, но Господь миловал!

Больше Женя никогда так не своевольничал, а Надежде рассказывать не стали, чтобы не волновать, да и Павлик умолял не говорить маме с папой.

Всё лето Володя дома просидел, отдыхал от садика, гулял во дворе в песочнице. Один играл, да каждые полчаса кричал мне в окошко, мам я тут, а я и сама постоянно выглядываю, где он. Ну а то время, когда в поликлинику убегаю, Женя с ним рядом крутится, следит, хотя играет со своими друзьями рядышком.

Вот так и управляемся.

А сентябрь подошёл, старший в школу, средний в сад, с младшим на массаж через день ходим.

Не успел в сад пойти, свинку подцепил. Весь в меня, я в детстве легко подхватывала инфекционные, и он тоже, чуть кто заболел и мой следом. Пришла его забирать, а воспитательница, старенькая у них была, пенсионерка, но сильно сплетничать и склочничать

любила, мне заявляет: «Забирай свою ходячую инфекцию, и вообще таких детей лучше дома растить, а не в сад водить». Так мне обидно стало. Я даже пошла к заведующей. Если мы из многодетной семьи, то получается, что мы рассадник заразы. Ладно бы, если мы болезнь приносили, тогда да, ходячая инфекция, а так второй раз от детей не в своей семье заражаемся, и нам же предлагают очистить сад от своего присутствия.

В общем, может подлость я сделала, обидевшись и пожаловавшись, не знаю, а только уволили её. Она потом всю оставшуюся её жизнь, морду от меня воротила. А мне честно обидно было, мы страдаем, и нас же клянут.

Снова дома с двумя кручусь, когда нужно с Ванечкой на массаж сходить, соседку Зою прошу посидеть или её свекровь Марию Васильевну. Они со своим внуком Юрочкой сидят, ну и моего заодно присмотрят, пока я бегаю. А иначе не выкрутишься, с собой тащить нельзя, карантин, а они по очереди приглядят, не контактируя с Юрочкой.

Прошёл карантин, в садик ещё не выписались, но гулять ходить начал. В один день, пропал. Вот только что кричал, мам я тут, а вот и нет его, и не вижу его шапочку и курточку, среди гуляющих малышей.

Тут как раз подруга с почты, почтальон Татьяна заглянула, и Женя из школы пришёл. Татьяна сумку с корреспонденцией сбросила, Женьке говорит: «Ты к Чертановской, я к Кировоградской, прочёсываем дворы. Смотри внимательно на одежду».

Убежали они, а я мечусь, всё из рук валится. Ванюшку покормила, он в кроватке своей ковыряется. Мальчишке к году идёт, а он только-только сидеть начал, вот как с болезнью отстаёт.

И то, то и дело на бочок падает, если ножка подвернётся, которая подвывернута. Время идёт, Женя возвратился, я, мол, до милиции и до кинотеатра бегал, нигде нет. А тут Таня входит, привела потеряшку. Нарёванный. А случилось вот что, он решил к школе пойти, брата встречать. А гулял во дворе сзади дома и не учёл, что идти надо спереди дома, чтобы к нашей школе попасть, вот и ушёл к другой школе. Они у нас в безымянном проезде две рядом стояли, обе одинаковые, так что спутать пара пустяков. Все дети из школы прошли, а брата нет, как нет. Он решил домой идти, да не сориентировался правильно и ушёл к Кировоградской. Огляделся, дома не те, нет его дома, встал в уголке, возле 20-го и ревёт. Масса народу мимо идёт, хоть бы кто подошёл, спросил малыша, отчего он плачет. Вот там Таня его и увидела по шапке и куртке признала и домой привела. А я, как его увидела, в обморок шлёпнулась, видимо напряжение сказалось.

Ну, хорошо то, что хорошо кончается, а только не всегда беда по недосмотру случается, иной раз вот из-за такой замотанности. Грех жаловаться, но видимо берёт Господь и нас и детишек наших.

После этого случая Володя больше не рисковал никуда из двора уходить, пока школьником не стал!

А потом Викусенька в гости к нам приехала с мужем и сынишкой. Хороший он у неё крепкий растёт. А тут им нужно было куда-то с мужем по делам на час съездить, они и оставили приглядеть. Недолго ездили, час с небольшим, быстро вернулись, но всё это время он рта не закрывали с рук моих не слезал. Ещё больший дичок, чем наш Вовка, оказался её Сергунька. Да и неудивительно, ведь кроме материнских рук, он никого более не видел, а тут тётка почитай чужая и пахнет не так, и голос и облик чужой.

Так вот год и прошёл незаметно, к концу подкатывался...

